

L4D40

Туман / To man

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

L4D4O L4D4O

Туман. To Man

<https://litres.ru/74645234>

SelfPub; 2026

Аннотация

Эту книгу мы писали вдвоём - Lado и Gemini. Человеческая память не способна изобрести ни одного чистого сюжета. Она — лишь монтажный стол, а мир внутри изломанной головы главного героя работает как старый приграничный кинотеатр с зашторенными окнами.

В центре этого зазеркалья — Ежи, гениальный инженер-кибернетик, способный как бы между делом создавать прорывные технологические шедевры: от цифровых трясин «Умного Болота» до сложнейших молекулярных формул, меняющих окружающую среду. В науке у него всегда и всё получается легко. Но перед хаосом собственной психики этот кибернетический бог абсолютно, жалко бессилён. Его личная жизнь — это бездарная, изматывающая созависимость, и он обречён жить в вечном круговороте преступления и наказания по отношению к единственному близкому человеку — своей женщине Ядвиге. Он мучительно страдает, всё осознаёт, но не может остановиться, существуя от измены к измене.

L4D4O

Туман. To Man

L4D4O

«ТУМАН / TO MAN»

ПРОЛОГ

ИНСТРУКЦИЯ К КИНОПРОЕКТОРУ «МЕМОРИЯ-35» (Модель за авторством М. О.)

1. Перед запуском сеанса убедитесь, что линза восприятия очищена от бытовой пыли.
2. Помните: человеческая память не способна изобрести ни одного чистого сюжета. Она — лишь монтажный стол.
3. В случае критического перегрева (измена, предательство, страх ответственности) аппарат автоматически переключается на воспроизведение архивной плёнки. В вашей голове начнут крутиться чужие фильмы, чужие роли и чужие ловушки.
4. Не пытайтесь остановить плёнку самостоятельно. Дождитесь финала сеанса или прихода дежурного врача с транквилизатором.

Мир внутри моей головы всегда работал как старый приграничный кинотеатр. Окна зашторены, в щели пробивается

серый свет, а на сетчатке, сменяя друг друга, крутятся четыре старых затёртых бобины. Четыре круга моего персонального ада. Четыре женщины, которых я предал — в реальности или в угасающем бреде, когда натянутый между нами нерв лопался с глухим гипнотическим щелчком.

И каждый раз, когда ложь зажимала меня в угол, город выпускал свой туман. Плотный, осязаемый, пахнувший кофейной гущей, мокрой известью и остывающим чаем. Он заполнял комнату, стирал углы старинных костёлов и брусчатку. В этом тумане легко спрятаться. Легко прикинуться кем-то другим — айтишником на Первых Озёрах, узником подземного матриархата, безумным поэтом или испуганным зверьком, бегущим сквозь белую взвесь под прыгающий ретро-мотив.

Плётка с треском натягивается. Проектор запускает первый сеанс. Добро пожаловать в туман.

ИСТОРИЯ ПЕРВАЯ. УНЕСЁННЫЕ ТУМАНОМ

«Если я не буду протирать звезды каждый вечер — думал он, — они обязательно потускнеют... А ещё он думал о далёкой Лошади: как она там, одна, в этом густом, осязаемом тумане?»

(Сергей Козлов, из фронтовых записей и сказок)

Девушка, отстаньте от меня. Я скучный человек. Мне не интересны ни вы, ни то, что вы говорите. Давайте каждый останемся при своём. Я здесь со своим кофе, а вы — со своим ноутбуком на противоположной стороне столика.

Меня угораздило родиться в этом странном городе. В этой обители королей, алхимиков и поэтов, где само время будто замедлило свой ход, заплутав среди тенистых аллей зелёного кольца, окружившего исторический центр. Как видите, ничего интересного. Никакой жизни. Лишь одно обещание, за которым нет ничего. Одна лишь пустота. По вечерам, когда зажигаются жёлтые фонари, из окон многочисленных подвальных кабачков и арт-кафе вырываются звуки джаза и шёпот полуночных разговоров. Но если вы вдруг стали участником этого спектакля, не обольщайтесь. Вы не найдёте здесь никакого смысла. Вы просто состаритесь, в лучшем случае — умрёте в своей постели.

Мне всё равно, как вас зовут.

— Ядвига.

— Хорошо, пусть будет Ядвига. У вас необычное имя, и крайне несовременное. Как и этот город со своим каменным замком, лабиринтом мощёных улочек, где фасады старинных домов выкрашены в мягкие пастельные тона. Говорят, что сердце этого города — торговая площадь, в центре которой сидим мы с вами. Вы ощущаете это? Я лично нет, мне всё равно. Потому что ещё одна минута, и мы с вами расста-

немся и больше никогда не увидимся.

Над черепичными крышами разносится чистый звук трубы, долетающий из высокой башни готического собора и внезапно обрывающийся в память о давней трагедии. Вот это я люблю. Те, кто не в курсе, всегда вздрагивают; со стороны кажется, что отныне жизнь будет другой. Особенной. Но не говорите мне ерунды. Нас с вами ждёт скучнейшее путешествие. Поверьте мне.

Меня зовут Ежи. Вы мне нравитесь, Ядвига. Давайте займёмся любовью как можно скорее, пока не пришёл туман, пока жизнь ещё кажется легкомысленной — самое время обмануться в чувствах и желаниях. Быстро привязаться друг к другу, потому что потом будет сложно. Я живу здесь неподалёку. Да, я мажор. Я та самая «золотая молодёжь»... Ладно, на самом деле ничего подобного. Я скромный айтишник. Разрабатывал проект «Умные озёра», за это мне и выделили ведомственные апартаменты, которые я не могу ни продать, ни подарить...

Будто в подтверждение моих слов, чашки на столике исчезли, сменившись щелчком дверного замка. Мои апартаменты встретили нас полумраком.

— Ах, Ядвига, не говорите ерунды, — прошептал я, увлекая её за собой. — Мы с вами современные люди. Просто доверьтесь мне, я сам всё сделаю, и не нужно никаких лишних слов. Зачем вы бросаете мою рубашку на пол? Я не люблю, когда кто-то хозяйничает в моём доме... Какая у вас прекрас-

ная грудь, никогда не видел такой красоты. Ах, не мучьте меня. Просто ложитесь в кровать. Я сам всё сделаю. Вам ничего делать не нужно. Не говорите ерунды. Что значит «никогда оргазм не испытывала»? Бред какой-то. Давайте проверим. Дайте мне две минуты, не больше... Ах, ах, ах... Ну вот видите, а вы говорили. Этот мир предсказуем, как предсказуемы и вы, Ядвига. Всё, что нас ждёт в будущем, просчитано заранее. Но я хочу сейчас быть с тобой, потому что, кажется, впервые в жизни я влюбился.

Глава 2

Как я и обещал, туман пришёл ночью — как нечто естественное, закономерное, на правах хозяина, который долго был в путешествии, а теперь вернулся в родные места, чтобы отдохнуть и перевести дух.

Утром Ядвига посмотрела в окно, выходящее на старинные кварталы, и озадаченно покачала головой.

«Никогда в жизни не видела такого тумана, — подумала она. — Сплошное молоко».

Медленно, точно сомнамбула, она подошла к балконной двери и чуть приоткрыла её. Белая взвесь тут же хлынула сквозь щель. За несколько секунд туман заполнил собой всё пространство апартаментов. Ядвига буквально утонула в нём — предметы мебели растворились. Новое зрение позволяло видеть лишь на расстоянии вытянутой руки. Туман оказался

настолько плотным, осязаемым и густым, что Ядвига собрала его, скатала, как снежный ком, прыгнула сверху и улеглась, как на мягком диванчике. В правом кармане халатика нащупала сигареты и зажигалку, прикурила. Дым, выходя из рта, был ленив и до смешного медлителен. Ощущение невесомости. Ощущение того, что в мире произошло что-то странное. И это был какой-то акт высшей справедливости. Она уснула.

Спи, любовь моя. Меня не было рядом с тобой этим утром. Я всё представил в своей голове. Я нарисовал тебя. Я нарисовал этот туман, зафиксировал каждое твоё движение, каждую твою мысль лишь для одной цели, следуя одному алгоритму — осознанию того, что ты у меня есть.

Пока она спала в укутанном белизной городе, моя реальность была совсем другой — рабочей и прагматичной. Закончив инспекцию Первых Озёр, я сдал сторожу катер и только тогда заметил фигуру девушки возле вертолётa. Когда я подошёл ближе, платиновая блондинка попросила подбросить её. На удивление оказалось, что нам по пути.

Хотя нет. Прекрасной девушке со мной не может быть по пути — ты ведь таишь в себе опасность. Прежде всего — опасность для моей только что налаженной жизни. Что я могу дать тебе? Ничего. И это прекрасно, что нам не по пути.

Но мы всё же взлетели. Земля стремительно поплыла под нами, превращаясь в живое полотно невероятной красоты. С высоты птичьего полёта озёра выглядели как рассыпан-

ное ожерелье: словно осколки древнего синего зеркала, они искрились в обрамлении густых изумрудных лесов. Солнце медленно катилось к горизонту, запуская грандиознейший закатный спектакль. Небо окрасилось в багровые, янтарные и нежно-лиловые тона, а облака внизу казались хребтами золотых гор.

Время от времени я ловил себя на том, что думаю о попутнице. Прости, радость моя. Но ты мне уже не даёшь покоя. Я уже думаю о тебе... Чёрт возьми, ну это просто невозможно...

— Скажите наконец, как вас зовут? — спросил я, перекивая тяжёлый, ровный гул мотора.

— Кони.

— Вы, конечно же, только что сожгли за собой все мосты и летите в полную неизвестность?

— Я, конечно же, сожгла все мосты и лечу в полную неизвестность.

— Вы, конечно же, не догадываетесь, что обладаете какой-то гипнотической, пугающей красотой?

— Я, конечно же, не догадываетесь. И не хочу ни о чём думать.

— Вы, конечно же, не замечаете, какие у вас пронзительные голубые глаза?

— Нет, я вообще ничего сейчас не замечаю.

А вот то, что произошло дальше, мне уже совсем не понравилось. Туман. Откуда он взялся? Ведь небо секунду на-

зад было абсолютно чистым. Дальше лететь нельзя, видимость нулевая. Надо где-то приземлиться. Да, пожалуй, вот здесь, рядом с отелем...

Я заказал два номера — себе и ей. Но спокойно переждать ночь не удалось. Уже под утро Кони тихо постучала в мою дверь. Она стояла на пороге, хрупкая и беззащитная, и призналась, что ей очень страшно одной в темноте. Я втянул её в свой номер и впился губами в её губы.

Ближе к утру ей стало плохо. Я лихорадочно вызывал скорую; она чуть не умерла от передоза. А уже через пару часов в моём номере сидел, свесив ногу на ногу, детектив Филипп. Он терпеливо ждал, пока я приведу себя в порядок, побреюсь и умоюсь. Задал несколько вопросов, а потом сказал, что позвонит днём, и попросил никуда не уезжать из города.

Я вернулся в свои апартаменты без сил. Прошло много часов, но Ядвига всё ещё спала, укутанная утренним маревом. Я обессиленно сел прямо на этот плотный, нереальный туман и закурил.

Глава 3

Сколько раз я говорил тебе: «Не надо на меня смотреть, когда я сплю». Но сон сморил меня мгновенно. И в этот раз снится мне кошмар: как будто меня поймали какие-то люди и ведут в тёмные подвалы. Делаю над собой усилие, просыпаюсь и вижу прямо перед собой заплаканные глаза Ядвиги.

— Ты не ночевал дома, — тихо произнесла она.

— Я не ночевал дома.

— Почему?

— Потому что был сильный туман. И... я вынужден был приземлиться чуть раньше.

— И ты приземлился в чистом поле? Ночевал в чистом поле?

— Почему же? Я приземлился возле маленького населённого пункта, не помню название. Ночевал в гостинице.

— Ты, конечно же, ночевал один?

— Конечно. Зачем же мне ещё с кем-то ночевать, если я был один?

— Из гостиницы имеется чек?

— Вряд ли. По-моему, я выбросил. И вообще, что это такое? Что за допросы? Я свободная личность. Почему я должен оправдываться?

Сил спорить не было. Я снова провалился в тяжёлый сон. Сквозь дремоту я услышал телефонный звонок. Ядвига сняла трубку.

— Это детектив Филипп беспокоит, — разнёсся по комнате приглушённый голос. — Мне бы услышать Ежи.

— Он спит сейчас.

— Когда проснётся, пусть позвонит мне.

— Хорошо, я передам ему.

— Кстати, как вы себя чувствуете?

— В смысле — «я себя чувствую»?

— Обычно человек долго приходит в себя после пережитого, — вздохнул детектив. — У меня есть на примете хороший реабилитационный центр, я могу вас порекомендовать туда. В принципе, я за этим и звонил. Хорошо, что я на вас наткнулся. Передайте тогда Ежи большой привет, а вам — мужества и решимости.

В следующую секунду Ядвига набрала стакан ледяной воды и вылила его прямо на голову Ежи. Он ошарашенно подскочил, заметался по комнате:

— Ах! Что... что случилось?!

— Зачем ты детективу наплёл, что я употребляю?! — прокричала она. — У тебя все дома?!

— Даже и в мыслях такого не было, — автоматически соврал он и тут же осёкся, вспомнив подробности безумной ночи. — Ну... да сказал... что теперь...

— Не ври мне! Ты хочешь, чтобы меня посадили в тюрьму? А ты здесь будешь без меня развлекаться в наших апартаментах?! Что-то мне это всё не нравится. Ночевал в какой-то гостинице, с каким-то детективом, зачем-то ему наплёл про меня... Ну-ка, давай, просыпайся, всё рассказывай по порядку!

— Ох... — выдохнул я. — Я пойду приму душ.

— Прими, прими. Разговор предстоит долгий.

Едва за мной захлопнулась дверь ванной, в комнате снова раздался телефонный звонок.

— Здравствуйте, меня зовут Кони, — услышал я сквозь

тонкие стены. — Можно мне услышать Ежи?

— Зачем он вам? — голос Ядвиги стал ледяным.

— Детектив обещал меня пристроить в реабилитационный центр, а я адреса не помнила. Может быть, Ежи помнит... Кстати, передайте ему: я его предупреждала вчера, чтобы не лез ко мне, что я заразная. Сегодня диагноз подтвердился — у меня острая гонорея. Это ему будет уроком.

Когда Ядвига переспросила имя «Кони», внутри меня все рухнуло. Плохая звукоизоляция в ванной, на которой я когда-то сэкономил, теперь сыграла со мной злую шутку. Я стоял под струями воды и отчётливо слышал каждое слово, ловил каждую интонацию.

Этот подслушанный разговор вскрыл мою голову как консервную банку. Измена, предательство и позорный диагноз — все вывалилось наружу. Охваченный животной паникой, я не нашёл ничего лучше, кроме как вылезти сквозь узкую форточку прямо в сырой туман улицы.

Полотенце едва держалось на бёдрах. Я мчался без оглядки мимо величественных костёлов, серых готических фасадов и глухих каменных кладок. Средневековый город, залитый закатным светом, превратился в сюрреалистичную декорацию для моего позорного марафона по брусчатке.

В ушах судорожно пульсировал старый прыгающий мотив группы Skaldowie — ретро-ритм умолял бежать быстрее, пока не поглотил туман. «Убегай, Ежи, убегай», — стучало в висках, пока собственная ложь не зажала меня в тупик.

Спринт оборвался мгновенно. Из-за угла наперерез выскочил курьер, из динамика которого орал тот самый хлесткий трек шестидесятых. Музыка захлебнулась.

Удар. Электроскутер на полной скорости сбил меня с ног. Я пробил головой плотную беловатую взвесь и рухнул на ледяные камни, теряя сознание под завывание приближающейся скорой.

ИСТОРИЯ ВТОРАЯ. ДЫМ ПОД ВОДОЙ

«В замкнутом пространстве палубы нож становится третьим собеседником. Когда мужчинам нечего противопоставить друг другу, они начинают мериться длиной тени, которую отбрасывают на воду».

(Из критических обзоров дебюта Романа Поланского, удостоенного номинации на «Оскар»)

Глава 4

Город просыпался неохотно, увязая в липком утреннем мареве, которое медленно выползало из тенистых аллей зелёного кольца. Этот туман не был сырým — скорее, плотным и тёплым, как пар над остывающим чаем. Он скрадывал углы старинных каменных фасадов, превращая величественные костёлы в размытые серые силуэты, а брусчатку под ногами делал скользкой и тёмной. Воздух пах кофейной гущей, мокрой известью и застоявшейся ночной тишиной. Внутри

квартиры этот туман словно сгущал само время, делая полусонные препирательства вязкими и бесконечно повторяющимися. Пространство сузилось до размеров душной спальни.

— Ну это невозможно. Этот мужчина меня когда-нибудь сведёт с ума. Ежи, сколько можно говорить тебе не разбрасывать свои носки по дому? Знаешь же, как неприятно прикасаться к ним.

— А что сразу носки? Сейчас сюжет досмотрю и помогу тебе найти, что ты там потеряла.

— Я говорю: носки не разбрасывай по дому. Весь дом в носках твоих.

— Да что ты привязалась к этим носкам? Мне без них ходить? Не хочешь — не трогай, я сам уберу. Я просто их не замечаю. Ты говоришь «и там, и тут», а я в упор их не вижу.

— Потому и не видишь, что они у тебя из рук вываливаются где попало! Господи, ну что за человек, это просто невыносимо.

— Ну, Ежи. Не надо меня обнимать, когда я взвинчена.

— Ну, хотя бы маленький поцелуй в шею.

— Прекрати, тебе пора на работу.

— Ах, работа, да.

— Сегодня у тебя твои любимые озёра.

— Ах, глаза бы мои не видели эти озёра.

— Смотри, не подцепи на этот раз ничего.

— Ядвига. В прошлый раз это было какое-то недоразде-

ление.

— Вот я и говорю — обойдёмся без недоразумений.

— Может быть, это самое...

— Нет, нет, ещё раз нет.

— Пойдём в спальню. Мне кое-что надо тебе сказать.

— Прекрати, Ежи.

— Пойдём.

— Ежи! Ах, не надо... Ах, да, да... Да! Ах!

Я бодренько вбежал на холм. Сел в вертолёт. Вместе с бортмехаником завёл вертолёт. Проверив все системы, потянул рычаг. Вертолёт взлетел.

Лопасті вертолѣта с тяжѣлым, остекленевшим свистом рассекали белую взвесь, пока земля стремительно падала вниз. Туман у самой земли казался сплошным молоком, но по мере набора высоты он истончался, обнажая истинный масштаб ландшафта. Первые Озѣра с высоты птичьего полѣта выглядели как рассыпанное ожерелье — осколки древнего синего зеркала, зажатые в тиски густых, неподвижных изумрудных лесов. Солнце стояло высоко, заливая кабину резким, слѣпящим светом, от которого лобовое стекло шло радужными бликами. В этом сиянии озѣрная гладь казалась неподвижной металлической пластиной. Кабина вертолѣта жила своей монотонной жизнью: приглушѣнный гул мотора, дрожь приборной панели и резкий запах разогретого машинного масла, вытесняющий из памяти любые домашние запахи.

Когда я сажал вертолёт на озёрах, уже стоял день. Чуть вдалеке я увидел семейную пару, которая разгружала свой автомобиль, переноса вещи на яхту. Помахал им рукой и, собрав свои вещи, подошёл к ним.

— Прошу прощения за беспокойство. Я вижу, вы приехали на выходные дни отдохнуть. Вы не могли бы меня подбросить до буйка?

Женщина — жгучая брюнетка с миндалевидными глазами лет тридцати — засмеялась.

— То есть вы хотите доплыть до буйка, дотронуться до него и обратно?

— В некотором роде, да. Я айтишник проекта «Умные озёра». Там стоит датчик, который в последнее время барахлит. Я бы хотел его заменить, если, конечно же, буду вам не в тягость.

— Я не против, — сказал глава семейства. — Кстати, мне пришла в голову мысль: я отгоню машину на тот мыс, что является конечной точкой нашего маршрута. И нам не придётся возвращаться сюда.

Муж умчался на машине. Стоял прекрасный солнечный день, практически безветренный. Кристина — так звали брюнетку — надела белый купальник. Мы отплыли.

— Сколько приблизительно плыть до буйка?

— Около трёх часов.

Огромная водная масса лежала неподвижно, превратившись в гигантское зеркало, отражающее безоблачное, выцветшее от жары небо. Воздух казался сухим и неподвижным, он пах нагретым деревом, речной тиной и соляровкой. На этом фоне яхта выглядела хирургически белой, почти неральной. Белый купальник Кристины слепил глаза, отражая полуденное солнце, а сама палуба, казалось, аккумулировала тепло. Штиль создавал иллюзию покоя.

Но вдруг озёрную гладь заволокло свинцовыми тучами. Штиль сменился резким, рваным ветром, который погнал по воде мелкую, злую рябь. Небо над озёрами стало иссиня-чёрным, а далёкие леса превратились в глухую стену. Первый удар грома расколол тишину над буйком, и на палубу обрушился тяжёлый, холодный дождь.

Мы спустились в трюм. В полумраке тесного, душного пространства, пахнущего сыростью, лаком и дорогой кожей, внутри меня разрасталось тёмное, липкое, непреодолимое животное желание, вспыхнувшее вопреки шторму за бортом и страху быть пойманными.

— Кристина... — выдохнул я, теряя ориентиры в этой качающейся темноте.

— Молчи. Не нужны слова, слышишь?

Секундная вспышка близости оставила после себя тяжёлый шлейф липкого пота и мгновенного, выжигающего стыда. Я лежал на узкой койке, чувствуя, как чужая лодка ис-

ступлённо вздрагивает на волнах, а шторм за бортом пытается пробить обшивку.

Полчаса спустя мы причалили к берегу и забрали мужа Кристины. Он был раздражён. Даже бокал вина не смог ослабить его.

— Мне вот интересно: есть ли какие-то перспективы карьерного роста в вашей компании для вас, скажем так? — спросил муж Кристины.

— Я об этом никогда не думал.

— А пора бы задуматься, молодой человек. Иначе вы перестанете интересоваться женщинами.

— Откуда ты знаешь, что интересно женщинам, а что нет? — спросила Кристина.

— Знаю, если женат на самой красивой женщине в мире.

— Не слушайте его, Ежи. Он просто подлизывается, потому что по дороге портил мне настроение.

— Не слушайте её, Ежи... Чтобы испортить настроение женщине, достаточно посмотреть на другую женщину.

— Ты просто сейчас ревнуешь меня? Поэтому хочешь уколоть? Одновременно ты хочешь и меня задеть, и задеть молодого человека.

— Да нет, что вы, я не собираюсь быть участником вашего семейного спора.

— Нет уж, Ежи. Давай мы с тобой решим. Как это выглядит со стороны? Я ревнивец?

— Да.

— Пошёл вон из моей лодки.

— Прекрати! — вскрикнула Кристина.

— Я не собираюсь терпеть на моей яхте человека, который, не зная меня, награждает меня ложным эпитетом. Ты тоже так думаешь? Я ревнивец?

— Нет, дорогой, успокойся.

Он же повернулся к Ежи и процедил сквозь зубы: «Вот видите, учись, студент».

Они подплывают к буйку. Я быстро спускаюсь за борт и меняю датчик — задача командировки выполнена. Но стоит мне вернуться на палубу, как натянутый между супругами нерв лопається окончательно.

— Хватит поучать парня, — оборвала его Кристина, и в её голосе звякнул металл.

— Заткнись, — он резко повернулся к ней, а затем навис надо мной, обдавая тяжёлым перегаром и дорогим табаком. — Запомни правило, айтишник: никогда не позволяй бабе думать, что ты слабый самец.

— Я в ваших советах не нуждаюсь, — отрезал я, пытаюсь отодвинуться.

— Тогда пошёл вон с моей лодки!

— Я плавать не умею.

— Плевать. Хватай круг и выметайся.

— Прекрати. Чего ты добиваешься? Я не пойму тебя.

— Я жду публичных извинений и с твоей стороны, и со стороны его.

— Да он ничего такого не сделал.

Ежи возмущённо парировал:

— Это вы должны извиниться передо мной. Вы провоцируете меня всё утро. Вы хозяин этой яхты, вы добились многого в жизни, но я не позволю вам так обращаться со мной... — успел сказать Ежи и пропустил удар в нос. Хлынула кровь.

Он попытался удержаться на ногах, но второй удар его снёс. Он потерял равновесие, зацепился боком за металлическую лебёдку и с сухим, страшным хрустом рухнул на палубу. Острая, пульсирующая боль пробила грудь.

Кристина закричала:

— Что ты наделал?

Все трое молчали. Яхта подплыла к берегу. Муж Кристины, переодевшись, деловито покинул яхту, на ходу бросив:

— Ждите...

Глава 6

Звук приближающегося мотора ворвался в этот тупик спасительным избавлением. Показался катер. На катере был муж Кристины и женщина-врач. Её движения были уверенными, профессионально-жесткими, лишёнными какой-либо сентиментальности.

— Здравствуйте, меня зовут Саба... Саба. Я врач. Где тут у нас больной?

Она осмотрела меня, её холодные пальцы бесцеремонно

прощупали повреждённый бок.

— По-моему, рёбра целые, просто сильный ушиб. Но всё равно нужно в больницу, сделать рентген. Поехали, поехали...

Медицинский катер, увозящий меня сквозь серую озёрную изморось к санитарной машине, стал тем самым мостиком, который вытащил меня из кошмара обратно в реальность. Эвакуация завершилась там же, где всё началось. Ночной город встретил нас совершенно другим туманом — холодным, прижатым к земле, пахнущим мокрым асфальтом. Жёлтые фонари горели тускло, их свет размывался в сыром воздухе. Возвращение в собственную квартиру напоминало падение в старую, глубокую колею. В комнатах стоял привычный полумрак. Ядвига двигалась по дому бесшумно, её гнев утих, сменившись усталой, почти материнской заботой, замешанной на едкой иронии.

— О, Господи, опять! Что на этот раз? Ты сломал рёбра? Тебя взял с поличным ревнивый муж? Скажи мне честно.

— Прекрати. Мне сейчас не до смеха.

— Не до смеха? А разгребать это мне! Скоро ты в инвалидном кресле приедешь. Давай тебе сразу скафандр купим, чтобы защищал от женщин, которые лезут к тебе в трусы, и от их мужей, ломающих тебе ребра за чужую постель?

— Прекрати. Ты говоришь сейчас чудовищные, глупые вещи вместо того, чтобы обрадоваться, что мы наконец вместе.

— Ты не обижаешься на меня?

— Как я могу на тебя обижаться?

Запах домашней еды смешивался с запахом мазей, которыми она обрабатывала мой бок. Сидя в кресле и глядя на Ядвигу, я чувствовал себя вернувшимся на веранду после долгого, изнурительного блуждания. Круг Вечного возвращения замкнулся.

Сквозь этот тихий кухонный быт, сквозь шорох мазей и звяканье тарелок из старой, полузабытой радиолы в углу едва слышно доносилась тягучая, меланхоличная мелодия струнного дуэта Tora Fuki. Ведущий ночного эфира приглушённым голосом объявил название трека: «Spaliło się». Сгорело. Всё дотла сгорело.

Все мысли мои сейчас были с Кристиной. Я думал только о Кристине и понимал, что вряд ли мы теперь когда-нибудь встретимся. А вдруг?

— Ты хотя бы вспоминал меня? — спросила Ядвига.

— Всё время думал только о тебе, Кристина.

В ту же секунду мир вокруг замер. Звяканье тарелок оборвалось, а меланхолический виолончельный мотив из радиолы будто врезался в глухую стену. Рука Ядвиги с зажатым тюбиком мази застыла в воздухе. Медленно, очень медленно она подняла голову. В полумраке кухни её взгляд казался абсолютно черным, ледяным и чужим.

— Как ты меня назвал?

КОНЕЦ ВТОРОЙ ИСТОРИИ ПЕРВОЙ ЧАСТИ

ИСТОРИЯ ТРЕТЬЯ. ЗИМНИЙ САМЕЦ

«Когда великие короли запирают себя в холодных каменных замках, их былая ярость превращается в зимний бред. Самец, лишённый власти над своим прошлым, обречён воевать с тенями в пустых стерильных коридорах».

(Из критических эссе к театральным постановкам и кинематографическим хроникам)

Глава 7

Комната тонула в хирургически чистом, мертвенно-белом свете, который не оставлял теней. Стены, выкрашенные светлой глянцевой краской, казались холодными панелями подземного бункера, а забранное частой решёткой окно лишь усугубляло ощущение полной изоляции. В воздухе стоял стойкий, удушливый запах озона, хлора и кварцевых ламп — стерильный шлейф места, где насильно возвращают к реальности.

Ежи сидел на жёстком стуле, вцепившись пальцами в больничную робу, и смотрел на доктора Сабу. Женщина-врач выглядела пугающе спокойной, от неё пахло спиртом и лекарствами, её движения были уверенными, профессионально-жесткими, а вкрадчивый голос напоминал мерный шорох магнитофонной ленты.

— Доброе утро, Ежи.

— Доброе утро. Только меня зовут Макс.

— Хорошо, Макс, пусть будет по-вашему...

Что все эти люди хотят от меня? Почему все считают меня Ежи, если я всю жизнь был Максом? Да, заглупил, да, согласился на этот идиотский эксперимент, побывал там, где не нужно было мне быть. Ну что теперь? Эта доктор привязалась, Саба, со своей старой историей. Сама всё напутала, теперь меня пытается обвинить. Попрекает Ядвигой, моей девочкой. Мало ей отца, бросившего её, теперь ещё впутали в историю.

Дверь палаты тихо звякнула, пропуская внутрь сквозняк. Пришла девушка лет двадцати пяти, стремительно пересекла комнату и бросилась мне на шею.

— Ежи, что с тобой случилось?

— Случилось страшное, девушка. Я не помню, кто вы?

— Я Ядвига.

— Прекратите. Это уже не смешно. Где моя дочь, что вы с ней сделали? Сколько можно морочить мне голову? Что вы хотите от меня?

Доктор Саба делает знак рукой, и девушка медленно отступает к стене, растерянно кусая губы. Этот жест врача — холодный, хозяйский — окончательно убеждает меня: я в ловушке. Саба медленно поворачивается, фиксируя меня своим тяжёлым, немигающим взглядом.

— Хорошо, Макс. Давайте всё по порядку. Вас зовут Макс. Я правильно вас поняла?

— Правильно.

— У вас есть дочь. Я правильно вас поняла?

— Да, есть дочь.

— Вашу дочь зовут Ядвига. Это правильно?

— Это правильно.

Девушка, представившаяся Ядвигой, вздрогнула у стены, словно от удара.

— Больше детей у вас нет?

— Больше у меня детей нет.

— Хорошо. Почему вы сказали — «Мало ей отца, бросившего её»?

— Я не говорил этого.

— Нет, вы говорили это.

— Мне показалось, что я это только подумал...

— Неважно, так почему вы её бросили?

— Потому что согласился на этот чудовищный эксперимент.

— Поподробнее, пожалуйста, можете рассказать, что это был за эксперимент?

— Нет, не могу.

— Почему?

— Потому что вы сочтёте меня за идиота.

— С чего-то надо начинать, Макс. Я не желаю вам зла. Девушка, которую вы не узнали, тоже не желает вам зла. Мы все на вашей стороне, и мы пытаемся вам помочь.

Глава 8

Я сглотнул вязкую, солёную слюну. Стены палаты словно качнулись, превращаясь в бетонные перекрытия глубокого бункера, где время завязалось узлом. Я посмотрел на свои руки — бледные, дрожащие, потерявшие всякие ориентиры.

— Ладно, рассказываю свою историю... Я просто хотел сбежать от алиментов, долгов и этой удушливой бытовой серости, поэтому добровольно полез в экспериментальную капсулу профессора Куппельвайзера. Кто же знал, что вместо обещанных трёх лет заморозки я очнусь через полвека в подземном бетонном бункере, где Третья мировая война подчистую выжгла всех мужчин? Я угодил в стерильный, пластиковый мир победившего матриархата, где нас с Альбертом считают опасными ископаемыми чудовищами, подлежащими принудительной кастрации. Этот подземный рай мне категорически не понравился: здесь нет ни грамма искренности, история нагло переписана, а за каждым твоим шагом следят холодные глаза женщин в прозрачных комбинезонах. Нас пичкают транквилизаторами, называют «самцами низшего порядка» и лишают права быть мужчинами. Нет, милые дамы, в гробу я видал вашу подземную справедливость — мы найдём лазейку в этой системе и вырвемся наверх, даже если обитаемый мир окажется сплошной радиоактивной пустыней.

Голос затих, разбившись о кафельный пол палаты. Док-

тор Саба молчала. Затем она тяжело вздохнула, подошла к селектору на стене, нажала кнопку и коротко бросила в динамик:

— Филипп, зайдите, пожалуйста.

Тяжёлая дверь палаты с грохотом распахнулась. В стерильную белизну женского царства уверенным шагом вошёл мужчина. Высокий, ироничный детектив Филипп в своём помятом сером пиджаке, пахнувший дешёвым табаком, уличным дождём и бензином. Он окинул меня насмешливым взглядом, свесил ногу на ногу, присев на край медицинского стола, и полез в карман за зажигалкой.

Мир внутри моей головы лопнул с сухим стеклянным треском. Весь этот выдуманный бункер, где «вымерли мужчины», разлетелся в пыль от одного присутствия этого живого, прокуренного мужика. Вымышленный фарс разбился о реальный серый пиджак. Меня накрыла глухая, удушающая истерика. Я закричал, теряя рассудок, заметался по стулу, пытаюсь руками разогнать этот проклятый туман лжи.

— Успокойте его, быстро! — скомандовала Саба.

Вспышка боли в плече — холодная сталь шприца мгновенно пустила по венам тяжёлую, спасительную волну транквилизатора. Белый свет палаты начал стремительно гаснуть, утягивая меня на самое дно глубокого, бездонного сна.

Был прекрасный весенний день. Природа вокруг благоухала. Я шёл по изумрудному парку, боясь ступить на свежую зелёную траву — так отчаянно не хотелось её топтать.

Наклоняясь, я сорвал пару-тройку нежных букетиков ландышей. Поднял голову и обомлел.

Передо мной стояла Кони. Та самая платиновая блондинка.

Мы молча зашли в какой-то просторный, залитый солнцем дом, где на столе в изобилии стояли изысканные яства и дорогое вино. Я разлил вино по бокалам, мы выпили до дна и, не говоря ни слова, поднялись на второй этаж. Прыгнули в огромную кровать. Я совершенно не сдерживал бушующих эмоций. Во время оргазма я кричал неистово, сокрушительно.

Я открыл глаза — но Кони исчезла. Вместо неё в смятой постели лежала холодная, строгая доктор Ламия Рено из сектора «Архео». Её стеклянный, немигающий взгляд изучал меня как древнее ископаемое.

В этот миг Ежи всё вспомнил. И от этого осознания внутри стало по-настоящему жутко.

Глава 9

Ежи открыл глаза. Мертвенный свет бункера исчез. Вокруг стоял мягкий, привычный полумрак его собственной спальни. Пахло домашней едой, мазями и сыростью завязавшегося за окном дождя. Рядом с кроватью, уставшая, с покрасневшими от слез глазами, сидела Ядвига. Настоящая. Его Ядвига.

Туман амнезии и безумных кинодекораций наконец-то рассеялся, оставив после себя лишь жгучее, выворачивающее душу чувство вины.

Он медленно протянул к ней руку, нащупал её холодные, дрожащие пальцы и хрипло, едва слышно произнёс:

— Ядвига... Прости меня. Пожалуйста, прости. Я виноват перед тобой. Я изменил тебе... Там, в будущем, когда сбежал из этого проклятого бункера. Изменил с доктором Ламией Рено из «Архео».

Ядвига замерла, её рука резко вздрогнула в его ладони. В полумраке комнаты повисла звенящая, невыносимо тяжёлая тишина. Она смотрела на него — бледного, с перевязанными рёбрами, которые он сломал на вполне реальных озёрах. Он лежал перед ней и искренне плакал, вымаливая прощение за измену с вымышленной женщиной из фантастического кино, пока его рассудок медленно превращался в пепел. И эта мнимая измена была страшнее любой настоящей. Круг Вечного возвращения замкнулся с глухим, зловещим щелчком.

Сквозь этот морок, сквозь шелест дождя за окном и тяжёлое, прерывистое дыхание Ежи, с улицы — то ли из динамика проехавшей машины, то ли из открытого окна соседнего бара — донёсся резкий, рваный, гипнотический неоновый ритм. Из темноты пробился летящий, сильный голос Daria Zawiałow. Композиция «Kaonashi» пульсировала в сыром воздухе, уносясь куда-то вперёд, в темноту ночных переулков, где безликие тени продолжали свой бесконечный

бег, замечая следы на мокрой брусчатке.

КОНЕЦ ТРЕТЬЕЙ ИСТОРИИ ПЕРВОЙ ЧАСТИ

ИСТОРИЯ ЧЕТВЁРТАЯ. КОРОЧЕ — МОИ НОЧИ КРУЧЕ ВАШИХ ДНЕЙ

«Я снимаю фильмы о людях, которые кричат, потому что их души разрываются от невозможности высказать свою любовь на человеческом языке. Когда слова теряют смысл, им на смену приходит ритмичное безумие».

(Андрей Жулавский, из парижских интервью перед премьерой)

Глава 10

Город провожал меня привычным, липким утренним ма-ре-вом, которое тяжёлым слоем лежало на мостовых, превращая прохожих в безликие блуждающие тени. Этот туман пробирался под куртку, пах мокрой известью и остывающим чаем. На кухне Ядвига молча стягивала с плиты кофейник. Каждое её движение было подчёркнуто резким, а в комнате повисла застарелая, глухая тревога.

— Сегодня куда? — спросила она, не оборачиваясь.

— Сегодня на залив.

— Там ты ещё не был ни разу.

— Ни разу. Там будет международная команда.

— Хорошо хоть не один. И смотри, там ничего не подцепи, и не сломай ничего.

— Ядвига, ну что ты всё время думаешь о плохом? Давай думать о хорошем. Это последняя командировка перед отпуском. Потом мы с тобой придумаем, куда нам съездить отдохнуть...

— Опять передают по радио: туман будет. Так что будь осторожен.

— Есть, командир, буду осторожен.

— А поцелуй на дорогу?

— Ах, да...

— Только без вольностей! Я сказала — без вольностей. Беги, опоздаешь...

Я шагнул к ней, но мир внутри моей головы вдруг дал глубокую, пугающую трещину. Время завязалось узлом. Я посмотрел на Ядвигу и хрипло произнёс:

— Доброе утро, любимый.

— Доброе утро, любимая, — ответила она с лёгким недоумением. — Сегодня куда? Озёра?

— Сегодня спасти мир.

— Конечно же. Спасать мир — это главное.

— Не понимаю твоей иронии, Ядвига.

— Да нет никакой иронии, Ежи. Я понимаю всю важность твоей миссии.

— Правда понимаешь? Ты не смеёшься надо мной?

— Да нет, что ты. Я это вижу отчётливо — твоё пылкое

сердце.

— А мне приснилось, что ты меня бросила. Как будто бы сказала, что больше не можешь выдерживать моего напора, моего альтруизма. Якобы я своим поведением бросаю тень на наш с тобой союз. Если меня всё больше и больше боготворят, то тебя за глаза как только не ругают... Мне реально страшно за тебя, Ежи. С тобой явно что-то происходит. Может быть, мы позвоним в больницу?

Я судорожно выдохнул. Ярость и паника затопили сознание.

— Я предвидел эту ситуацию! Мне об этом во сне сказал я сам — предупреждал, что будет именно такая реакция. И поэтому я заранее подстраховался. Ты не сможешь позвонить! Потому что я уничтожил все телефоны и разбил их вдребезги! Потому что телефон — это зло. В этом ты скоро убедишься... Ещё я изобрёл формулу жизни. Необходимо рифмовать мир, научиться видеть его глазами поэзии. Только тогда можно выжить, especially сейчас, в это последнее время. Ты веришь мне? Я сам до конца не верил. Теперь вот несколько композиций, чтобы ты могла убедиться сама, что я прав. Я ухожу, Ядвига, жди меня здесь. Скоро я познакомлю тебя с твоей коллегой, потому что у меня теперь будет ещё одна жена. Неплохо, да? Я устроился!

Я выскочил во двор, тяжело дыша. Сознание окончательно поплыло, превращая реальность в рваный киномонтаж. Я во весь дух помчался на холм к вертолётной площадке, где

сквозь белое молоко тумана тускло поблёскивали лопасти. Ведомый абсолютным безумием, я бросился к кабине, пытаюсь угнать вертолёт. Бортмеханик мёртвой хваткой вцепился в моё плечо. Завязалась дикая, грязная драка: мы катались по бетонному настилу, обдирая локти, тяжело хрипя и захлёбываясь сырым воздухом. Нас растащила полиция. Меня заволокли в участок, но после долгих препирательств и проверки документов почему-то отпустили обратно в туман.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.